

*ВОЛОШИН Владимир Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета. Автор более 80 научных публикаций**

КЛАССИФИЦИРОВАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Предметным полем статьи являются объем (экстенционал) и содержание (интенционал) концепта «возможный мир». Цель работы – установить применимость теории классифицирования к классу объектов, именуемых возможными мирами, установив соответствия наличных классификаций стандартам и правилам данной теории. Исходя из того, что при классифицировании экстенциональная программа (таксономия) пересекается с интенциональной (мерономией), достижению поставленной цели предшествует анализ определений ключевого концепта исследования. Автор понимает возможные миры как ментальные конструкты, репрезентирующие релевантные в некоторой системе модальных координат возможные конфигурации существования индивидов, событий, историй. Новизна статьи состоит в том, что проблемы приложения теории классифицирования к понятию «возможный мир» ранее не формулировались и не решались. Теоретическая значимость работы заключается в расширении и пересечении предметно-проблемных сфер учения о возможных мирах и классификационной парадигмы. Полученные результаты представляют практическую значимость для исследований в области онтологии, эпистемологии, логики, в частности обнаруживают специфику и трудности проведения процедуры классификации (типологии) мысленных конструктов. Кроме того, установлены препятствия на пути стандартного классифицирования возможных миров. Рассмотренные классификации являют собой искусственные типологические описания. Им присущи относительность и рецептурность, дефицит предсказательной силы. Группы создаются произвольно, с нарушением логических правил. Основания и принципы классификации – нечеткие, многие полученные группы – фальсифицируемы. Автор приходит к выводу, что данная операция в экстенциональном плане имеет значительные ограничения, ее познавательный потенциал раскрывается лишь в интенциональной диагностической программе.

Ключевые слова: возможные миры, модальность, достижимость, классифицирование, классификация, таксономия, мерономия.

*Адрес: 283037, Украина, г. Донецк, ул. Спортсменов, 4-1; e-mail: v.v.don7ff@gmail.com

Для цитирования: Волошин В.В. Классифицирование и классификации возможных миров // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 88–98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.88

Конструирование ситуаций, при котором мыслимое положение дел дополняет, расширяет, замещает объективную реальность, – атрибут интеллектуальной жизни современной цивилизации. Изменение коммуникационной парадигмы в конце XX века не только ускорило инфляцию информационного пространства и его содержательное насыщение, но и создало условия для разработки и апробации ранее не практикуемых «способов создания миров», для появления новых наборов обстоятельств, от которых зависит как истинность локальных эпистемических массивов, так и адекватность картин мира. Все это актуализирует анализ содержания и объема концепта «возможный мир» (далее для ед. ч. – *w*, для мн. ч. – *W*).

В XX веке идея *W* была секуляризирована и адаптирована к задачам и языку современной логики (Р. Карнап, С. Крипке, Д. Скотт, Я. Хинтиikka и др.). Проблемы семантики *W*, которая не несет информации о «конкретных» воображаемых мирах, успешно решают отечественные мыслители В.Л. Васюков, В.В. Горбатов, Е.А. Сидоренко, Е.Д. Смирнова, Н.И. Фатиев, В.В. Целищев и др. Нельзя не упомянуть и эвристические труды Н.А. Васильева. Исследователи-логики быстро утратили монополию на понятие «*W*» – оно стало элементом концептуального каркаса онтологии, философии религии, психологии, литературоведения. На этой новой территории с концептом «*W*» работают Л. Долежел, Т. Павел, В.П. Руднев, А.К. Секацкий, У. Эко, М.Н. Эпштейн и др. Имеют место своего рода «синтетические» интерпретации *W*: неклассическая логика и эпистемология плюс теология, философская антропология, филология, искусствоведение (Н. Гудмен, Д. Льюис, А. Плантинга и др.).

Цель статьи – определить применимость теории классифицирования (КЛЦ) к классу *W*, проанализировав имеющиеся их классификации (КЛ) на предмет соответствия конвенционально установленным стандартам.

Специальные работы по КЛЦ и КЛ *W* отсутствуют. Оригинальную, но громоздкую типологию миров (без апелляций к *W*) на основании

ослабления (усиления) атрибутивных характеристик дают С.Б. Крымский и В.И. Кузнецов [1, с. 93–94]. Н. Гудмен фиксирует способы создания миров – композиция и декомпозиция, нагрузка, упорядоченность, удаление и дополнение, деформация [2, с. 124–133], признаваясь, что его «классификация не претендует ни на всесторонность, ни на четкость, ни на обязательность» [2, с. 133–134]. Будучи элементом любой научной гипотезы или теории, КЛ присутствуют в исследованиях, посвященных семантике *W* (Д. Льюис, Я. Хинтиikka, И.А. Герасимова) и «конкретным» (философским, литературным, космологическим) *W* (Ф. Адвокат, А.П. Бабушкин, Г.В. Гриненко, Ж. Лоран, М. Тегмарк, Д. Чалмерс). Некоторые из КЛ рассмотрим ниже.

Совершим экскурс в мир КЛЦ и КЛ. Концептуальный каркас теории КЛЦ не сложился и до сих пор: «... о классификациях, классифицировании говорят на разных, еще не устоявшихся языках» [3, с. 10]. Любая КЛ есть деление объема понятия. Синонимами КЛ выступают «типология» и «таксономия». Таксон – это, по сути, объем (экстенционал) понятия. С объектами, его образующими, связывается некоторое содержание (интенционал), имеющее внутренние компоненты (морфология) и внешние взаимодействия (экология). В сумме морфология и экология образуют целое – архетип, состоящий из частей – признаков (меронов): «Архетип – это структура частей и внешних связей (те и другие являются меронами), присущая всем объектам данного таксона» [4, с. 72].

Под КЛЦ мы понимаем построение КЛ, т. е. отнесение объекта к определенному подразделению (группе), осуществляемое на основе наличия (отсутствия) у него некоторого мерона (меронов). «При этом классифицируемым называют объект (предмет, понятие, термин и т. п.), признаки которого исследуются с какой-либо фиксированной целью» [3, с. 16]. Нет однозначного ответа на вопрос, что распределяется на группы: объекты, организованные естественным образом, или знания о них в форме понятий. С.С. Розова задается вопросами:

«Когда говорят, что класс объектов образует объем понятия, то образует ли объем понятия реальные объекты или их мысленные корреляты? Если верно последнее, то совпадает ли онтологический статус класса объектов с онтологическим статусом понятий об этих объектах?» [5, с. 10]. Важно, что объектом КЛЦ/КЛ может быть понятие, референт которого – мысленный коррелят.

КЛЦ/КЛ связаны с определением, которое задает границы объектов, подлежащих КЛЦ. С другой стороны, дабы дефиниция претендовала на адекватность, необходимо очертить объем, т. е. экстенциональная программа (таксономия) пересекается с интенциональной (мерономия). Последняя несет информацию об объектах, составляющих классификационное дерево, «заставляет расширить классификационное поле до классификационного универсума, состоящего не только из наличных, но и из всех мыслимых объектов, а вместо структуры таксонов рассматривать двойственную ей структуру классификационных признаков» [4, с. 70].

Предпосылка КЛЦ/КЛ – наличие сходных и различающихся объектов, ибо «в мире континуума, лишённого какой-либо дискретности, классификация была бы невозможна» [6, с. 20]. Простейшая схема КЛ: A есть Aa, Ab, Ac , где A – понятие, объем которого подвергается делению; Aa, Ab, Ac – члены деления. Говорить о сильном КЛЦ можно тогда, когда множество объектов A является освоенным совокупностью специалистов, т. е. A «однозначно задано, однородно, достаточно и равномерно изучено, должным образом описано некими текстами и представляет некую ценность» [3, с. 28]. КЛ предшествует различению меронов (свойств и отношений) объектов a из A . Признаки именуются существенными и несущественными, генетическими и морфологическими, общими и частными, объективными и субъективными, просто и сложно воспроизводимыми, эмпирическими и теоретическими и т. д.

К естественным КЛ предъявляются такие требования, как объективность (вплоть до выражения законов природы), максимальный охват объектов и их меронов, системность, многофункциональность, предсказательная сила, стабильность во времени (выдерживает смену научных парадигм). Искусственная КЛ – неустойчивая, рецептурная, регистрирующая, распознавательная, узкоцелевая, фальсифицируемая в своих основаниях и принципах; группы формируются произвольно. Она дает срез классификационного дерева в одной проекции¹.

При проведении КЛ необходимо учитывать известные логические правила. Отметим, что логически безукоризненная КЛ – утопия, ибо «формальная логика не описывает реально осуществляющиеся в науке процессы классификации с присущими им трудностями, а задает некоторый идеальный образец, норму любой научной классификации» [5, с. 42]. В рамках комбинативной КЛ допускается синхронное деление по разным признакам. «Комбинативная (фасетная) структура таксонов экстенционально определяется тем условием, что в таксонах можно выделить такие группы (фасеты), образующие разбиения классификационного поля, когда любой таксон есть пересечение таксонов из некоторых фасетов» [4, с. 70].

Существует мнение, что «настоящая» КЛ имеет место исключительно в естествознании. Гуманитариям остается довольствоваться типологией. Не вдаваясь в детали дискуссий, отметим, что типология имеет признаки искусственной КЛ. «В случаях *типологических классификаций* (курсив наш. – В. В.) допускаются нечеткие, размытые на своих границах группы» [6, с. 30]. Такая КЛ интенциональна и предполагает наличие мысленного коррелята – образцового объекта (собирающей модели), сходство с которым определяет включение в группу. Данный объект – результат вынужденного отвлечения от конкретики в силу насыщенности архетипа и нечеткости

¹Ю.А. Воронин считает деление КЛ на естественные и искусственные безосновательным, неконкретным, бесплодным и логически ошибочным, ибо КЛ всегда являются «воплощением наших модельных представлений об A » [3, с. 45].

таксона. Цель такой абстракции – систематизация и сведение «различий и сложности явлений к некоторому единому показательному уровню» [6, с. 76], конструированному типу.

Все W – мыслимые объекты, их КЛ призвана дать информацию о меронах (интенциональный аспект), а затем уже описать членение объектов на группы (экстенциональный аспект). Поэтому начнем с дефиниций. Таковые отличаются вариативностью при доминировании контекстуальных определений, не исключающих тавтологий. Несколько таких определений обнаруживаем у Я. Хинтикки. Он интерпретирует W «либо как возможное положение дел, либо как возможное направление развития событий» [7, с. 38]. Актуальность W обусловлена тем, что «использование многих важнейших понятий включает в себя так называемые дескриптивную компоненту и недескриптивную, или модальную, компоненту» [7, с. 38]. Хинтикка вписывает W и в более узкий контекст «личных» эпистемических модальностей – знания, веры, памяти и т. п., рассматривая возможные состояния дел в плане их совместимости с установками определенного лица [7, с. 87, 228].

Д. Скотт считает понятие « W » недостаточно общим и нейтральным, хотя идея W кажется ему «достойной», но требующей расширения. W – это не только «различные собрания индивидов с дополнительной структурой или без нее», но и структура, индексированная «элементами подходящего множества, причем различными способами» [8, с. 287]. Индексы (точки соотнесения) могут иметь несколько изменяющихся координат (мир, время, расположение, субъект и т. д.), влияющих на истинностное значение утверждений [8, с. 287–289]. Можно сказать, что W – это отличающиеся от стандартных пространство и способ бытия объектов. Из семантики, справедливо отмечает В.В. Горбатов, сложно устранить «ситуационно-обусловленную перспективу», поэтому W «могут использоваться не только как точки соотнесения, но и как контексты употребления» [9, с. 233–234].

Объемное интенционально-семантическое определение дает У. Эко: w – «это мир вооб-

ражаемый, желаемый, чаемый, искомый» [10, с. 375]. Будучи конструктом разума, w есть возможное положение дел, описанное множеством релевантных высказываний, так что для каждого из них истинно либо p , либо $\sim p$; w включает множества возможных индивидов, наделенных свойствами; поскольку часть свойств – действия, w есть некоторый ход событий, берущий начало в пропозициональных установках [10, с. 375].

У Е.А. Сидоренко W – не онтологические миры, а множество предложений, имеющее два этажа – фактуальный (эмпирический) и теоретический: «Первые этажи у каждого возможного мира представляют собой некоторое не пустое множество литералов, т. е. атомарных высказываний или их отрицаний. Вторые этажи могут содержать предложения любого вида» [11, с. 277]. В понимании W как «чисто лингвистических образований» Сидоренко не одинок. Многие исследователи стоят на номиналистических позициях, рассматривая W как способ реализации дескриптивного потенциала языка, метафору, модератора фабулы и т. д., что дополняет понимание W как формального исчисления модальной логики, необходимого для решения проблем, связанных с интенциональностью.

Итак, W – ментальные конструкты, репрезентирующие релевантные в некоторой системе модальных координат (кортежей точек соотнесения) *possibilia*-конфигурации существования (полагания, наличествования) индивидов и их функций, разворачивания событий и историй. Модальности, шире – контексты, задают способы, с помощью которых эти конфигурации квалифицируются, эксплицируются и получают «ярлык» на истинность. «Индекс», «точка соотнесения» могут рассматриваться как синонимы «модальности», кроме, пожалуй, тех случаев, когда модальности онтологические. W подчиняются законам некоторых логических пространств и «возможны в смысле – быть возможными относительно заданных сеток репрезентации миров» [12, с. 48]. А.А. Ивин двумя разными логическими пространствами считает модальности и импликации. К последним

относятся в т. ч. «лучше», «хуже», «позже», «вероятнее». Импликативное видение мира – «дальнее», модальное – «ближнее», более конкретное [13, с. 3–4]. Дать экстенционально полное определение импликации невозможно, не существует и точного определения модального понятия, «круг таких понятий размыт и лишен ясных границ» [13, с. 44–45].

Р. Карнап спрашивает: «Что мы понимаем под “возможным миром”?» И отвечает: «Просто мир, который может описываться без противоречия. Сюда входят сказочные миры и вымышленные миры самого фантастического рода при условии, что они описываются в логически непротиворечивых терминах» [14, с. 49]. Когда W отводится роль точек соотнесения, отмечает В.В. Горбатов, возникает двойственность, ибо объект соотнесения понимается в широком диапазоне – «от контекстно-независимых, абстрактных *пропозиций*, до ситуационно-обусловленных, предельно конкретных *употреблений*» [9, с. 236].

Итак, выделим два типа объектов, именуемых W : формальный (Aa) и содержательный (Ab). Их архетипы различаются. Объекты Aa представлены знаками искусственного языка, не содержат списков индивидов (фиксируются лишь отношения без апелляций к положению дел и конкретике обстоятельств), отличаются полнотой; на первом плане – формальная истинность. Ab – дескриптивно-референтный тип, репрезентируемый естественным языком. Он включает неполные W с действующими индивидами, обладающими «конкретными» свойствами; определение истинности во многих контекстах не является релевантным, уступая место когерентности текста, описывающего w ; кортежи точек соотнесения – содержательные. Налицо дихотомическая КЛ или даже два автономных классификационных дерева, имеющих один понятийный «корень». Возможно дальнейшее КЛЦ Ab на первичные (исходные) и вторичные (производные) W . Они имеют одну и ту же энциклопедию (набор концептов, представляющих собой «строительные леса» определенной картины миры), но различные формы проявления меронов и нетождественную экологию.

Например, «Братья Карамазовы» – исходный w . Производными от него W будут, в частности, кинематографические версии либо множество высказываний – интерпретаций романа, допустим, в русской религиозной философии или французском экзистенциализме.

Теперь о генетических КЛ. Possibilia-истории берут свое начало и разворачиваются в разных объективированных системах ментальных координат и распадаются на философские, научные, религиозные, литературные и прочие универсумы. Негеоцентризм еще с античности породил идею множественности миров – «коллегу» идеи логически W (вопрос о трансформации воображаемых миров с логически адекватной структурой в действительность оставляем за скобками). В концепциях множественности ударение ставится на плюрализме *сосуществующих* равноправных миров, в концепциях W – на возможности структур, существующих независимо и/или дискретно, и/или на виртуальных «окраинах» выделенного, в т. ч. действительного мира (важнейшего элемента экологии W). Н. Гудмен пишет о противоречии между монизмом и плюрализмом: «Если имеется всего лишь один мир, то он охватывает множество контрастирующих аспектов; если имеются много миров, то их совокупность составляет одну вселенную. Один мир может быть рассмотрен как многие, или многие миры могут быть рассмотрены как один; имеется ли один мир или же множество – это зависит от способа рассмотрения» [2, с. 119]. С одной стороны, с помощью понятий «мир Птолемея», «мир Коперника», «мир Фридмана – Хаббла – Леметра» фиксируется один универсум, отражаемый в разных парадигмах. С другой – архетипы, например миров классической и квантовой физики, столь отличны, что апелляций только к «способам рассмотрения» явно недостаточно.

Различия в картинах мира коренятся не столько в онтологии, сколько в «идеологии» (в ее куайновском понимании), нагруженной оценками, верованиями, предпочтениями и т. д. Наличие конструктов, именуемых W , – в самой природе сознания, которое, обладая квалиа, продуцирует

нечто, отличное от реальности. Человек находится в актуальном мире, но существует как бы во множестве миров, не сводимых к действительности. Г. Лейбниц, отрицая в «Опытах теодицеи...», что «могут существовать еще многие миры в разные времена и в разных местах», ранее писал: «Все души являются по существу отражениями, или живыми зеркалами, вселенной <...>. Бог как бы создает столько вариантов мира, сколько в мире есть душ, или творит как бы уменьшенные копии мира, на вид разные, а по существу сходные»².

Мир как целое продуцирует голограмму развивающихся картин мира, «он существует вместе со своим самоопределением, способен к “саморазмножению”, самоизменению и росту» [15, с. 266]. Проллиферация миров, разнообразие способов их создания – результат творческой активности человека. Генератором этой активности является не столько действительность сама по себе, сколько знания о ней, знания преимущественно индексикальные³. Действительный мир как конкретное целое распадается на множество эпистемических фрагментов, их селекция осуществляется субъектом в разных контекстах. В свою очередь, в реляционной семантике W имеют место только бинарные отношения, а действительность не выступает источником альтернатив. «Собственно при этом подходе действительного мира нет, а есть только выделенный мир» [12, с. 47], следовательно, объекты экологии – анонимные.

«Идеологии» имплицитно иррегулярность и несоизмеримость W , их стремление к эпистемологической автономии. W , как и научные теории, могут быть логически и/или парадигмально несопоставимыми, не иметь логических отношений (и содержательных связей). Логика не в состоянии запретить плюрализм миров. В отличие от эмпирических законов законы логики и математики ничего не говорят

ни о структуре мира, ни о том, «что отличало бы действительный мир от некоторого другого возможного мира» [14, с. 50]. Интенциональные контексты легитимируют в т. ч. и «невозможные W », что усложняет КЛЦ.

Мероном-отношением W является достижимость, ибо тот или иной мир не просто возможен, он возможен относительно *некоего* другого мира. Если в w_1 потенциально реализуемы и/или мыслимы изменения, при которых он трансформируется в w_2 , то второй достижим из первого (или: w_2 достижим из w_1 , если отличается от него истинностью только случайных высказываний). Aa делится на три подгруппы: бинарные (Aa_1), тернарные (Aa_2), полинарные (Aa_3) отношения достижимости между W . У. Эко делит Aa_1 на W с симметричным (Aa_1'), несимметричным (Aa_1''), транзитивным (Aa_1'''), транзитивным и симметричным (Aa_1'''') отношением [10, с. 399]. Сложнее с Ab . Объекты этой группы – вариативны, многие – несоизмеримы. Следовательно, отношение достижимости – нерелевантное. А. Прайор, фиксируя разнообразие «переходов от мира к миру», указывает на следующую сложность: «Один мир может быть “достижим” из другого в том смысле, что он является *продуктом воображения* какого-то лица, принадлежащего этому последнему миру» [16, с. 91].

Разнородность точек соотнесения и контекстов открывает возможность для построения бесконечного множества КЛ. Точки соотнесения имеют как объективную (темпоральные и пространственные координаты), так и субъективную природу (выраженную с помощью таких интенциональных операторов, как «верит, что...», «предполагает, что...» и т. д.; их носители – коммуникант и коммуникатор). Имеем основание для новой КЛ и получаем объективные, или «физические», и субъективные W (хотя и те, и другие – мысленные конструкции).

²Лейбниц Г.В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 393.

³Д. Льюис редуцирует к индексу саму «действительность», что позволяет ему утверждать: населяемый нами мир – один среди многих, а W не полагаются, как считал С. Крипке, но существуют.

Первые могут задаваться как существующие в одно и то же время и в одном и том же месте; в разные моменты времени; в разных местах; в разные моменты времени и в разных местах. Субъективные W , отмечает Г.В. Гриненко, кроме истинностных оценок включают в себя множество других: эмоциональные, эстетические, прагматические, этические и т. д. В таких мирах «возможно не только различное положение дел, но и различные законы, различные типы причинно-следственных зависимостей, и даже различные логики – разные системы вывода» [17, с. 200]. Среди элементов коммуникативного акта Гриненко находит место группам W . Это возможные физические миры продуцирования и восприятия, возможные ментальные миры коммуникатора и коммуниканта [17, с. 155–156]. Произвольность и логическое несовершенство такой КЛ вполне оправданы ее целями.

Игнорирование логических правил находим и у других авторов. Апеллируя к статье Я. Шмутца «Кто изобрел возможные миры?», Ж. Лоран подчеркивает, что утверждение «вероятны другие возможные миры» понимается в трех смыслах: 1) космологическом; 2) воображаемых фантастических миров; 3) миров, в которых законы природы и законы мышления были бы другими [18, с. 20–21]. Хаотичность имеет место в КЛ А.П. Бабушкина. Основания деления у него варьируются, таксономия пересекается с мерономией, образуя причудливое дерево комбинативной КЛ без фасетной формулы. Обнаруживаем миры ближайший и возможный, ирреальный (алогичный), «чужих» ролей, параллельный, воображаемых перспектив, реальных и фиктивных аналогий, догадок, сомнений, допущений, альтернатив с индексами предостережения или предположительности, предписываемых действий, антимир и т. д. [19, с. 46, 58, 61, 67, 70, 75].

Д. Чалмерс, решая «трудную проблему сознания», в качестве принципа-основания типологии W берет супервентность (производность), которая формализует идею о том, что одно множество фактов способно определять другое множество фактов, т. е. не может быть

B -отличия без A -отличия. Имеет место логическая – «не может по причинам логики» – и естественная супервентность – «не может в соответствии с законами природы», а также локальная и глобальная. Иные типы, в т. ч. «юмовскую супервентность» Д. Льюиса, Чалмерс оставляет за скобками и обнаруживает «три объективных класса»: логически W , метафизически W и естественно W . «У нас есть серьезные основания верить, – пишет он, – в существование первого и последнего из этих классов, но очень мало оснований допускать третий, особый метафизический класс» [20, с. 177–178]. В другом месте он констатирует: «Метафизически возможные миры – не что иное, как логически возможные миры» [20, с. 61]. Если нет оснований допускать наличие метафизически W , почему они «объективные», будучи «соседями» двух других классов? Или такие миры непредставимы и являются, перефразируя Я. Хинтикку, «невозможными невозможными мирами»?

В заключение приведем КЛ (типологическое описание) содержательных W (Ab) на основании нескольких меронов, отказавшись от единого принципа-модератора. Собственно w (Ab_1) не имеет препятствий для трансформации в объективную реальность, он естественным образом и глобально супервентен относительно нее, т. е. Ab_1 онтологически реализуем, однозначно достижим из действительного мира, обладает эпистемологической полнотой. Пользуясь терминологией Н.А. Васильева, группа Ab_1 подчинена «аристотелевой (эмпирической) логике» и закону противоречия. Объекты Ab_1 относятся преимущественно к сфере референции, включающей, если следовать У. Куайну, такие рубрики, как именование, истина, денотация и объем [21, с. 7–23]. Они имеют фиксированные пространственно-временные характеристики. На статус объектов Ab_1 претендуют научные гипотезы и исследовательские программы, социальные прогнозы, геополитические проекты и т. д.

«Невозможный w » (Ab_2) онтологически нереализуем, но «идеологически» приемлем; недостижим или достижим с ограничениями,

представим. Объекты Ab_2 (а это миры мифа, религии, литературы, искусства) имеют размытые пространственно-временные характеристики, хотя осмысленная информация о них – в наличии, т. е. такие W эпистемически адекватны. Сфера референции уступает место сфере значения (включает синонимию, значимость, аналитичность, логическое следование). Группа Ab_2 подчинена «неаристотелевой (воображаемой) логике», в которой отрицание является автономным суждением, т. е. не следует из утверждения экзистенции. С целью элиминировать связь между отрицанием и несовместимостью Н.А. Васильев вводит новый вид суждения – индифферентное. «Поэтому воображаемая логика, логика с иным отрицанием, будет свободна от закона противоречия» [22, с. 63]. Но не свободна от «закона несамопротиворечия» (речь идет о когерентности энциклопедии и текстов об объектах Ab_2) и «закона исключенного четвертого». Одна из его формулировок гласит: «Относительно каждого понятия, взятого как субъекта, и любого предиката, мы можем образовать три различных суждения: одно о необходимости данного предиката для данного понятия, другое о его невозможности, и третье о его возможности. Одно из этих суждений должно быть истинно, и четвертого суждения образовать нельзя» [22, с. 49]. Интерпретации Ab_2 в сфере нестандартных семантик представляют собой анализ архетипа больше Aa , чем Ab , хотя место для содержательных истолкований остается. В «невозможных W », согласно Е.Д. Смирновой, допустимы противоречивые описания состояний (в другой терминологии – супероценки, когда высказывания истинны и ложны одновременно). Субъективные Ab_2 , или «так называемые эпистемически возможные миры, могут быть как логически возможными, так и логически невозможными» [23, с. 188]. В одной из работ Я. Хинтика приходило к выводу, что эпистемически W – изменяющиеся или инвариантные, – скорее, логически невозможны. В противном случае остается нерешенной проблема логического всеведения [7, с. 228–242].

Объекты «невозможного невозможного мира» (Ab_3) не имеют какого-либо статуса (онтологического, эпистемического, логического), являются непредставимыми и невозможными в каких-либо системах ментальных координат. Нет таких точек соотнесения или контекстов, за которые они могут «зацепиться». Объекты Ab_3 ни на чем не супервентны, не имеют значения ни в одном универсуме рассуждений, несовместимы ни с эмпирической, ни с воображаемой логикой, ни с металогикой – учением о «формальной стороне мысли, о мысли, если отвлечься от всякого содержания мысли» [22, с. 90]. Ab_3 не вписывается ни в одну из категориальных сеток видения миров. Вопрос, на каком основании Ab_3 присутствует в КЛ, оставим пока без ответа.

Итак, W – понятие-голограмма без устойчивого регистрируемого референта; его значение целесообразно рассматривать сквозь призму принципа дополнительности. W – объекты с отсутствующим (неопределенным) онтологическим статусом. Их мероны идентифицируются как сходные или различные условно, в результате конвенции. W и наши знания о них не подлежат четкой демаркации. W не являются «однозначно заданными, однородными, достаточно и равномерно изученными». Номенклатура (концептуальный каркас) теорий W отличается интенциональной вариативностью и экстенциональной релятивностью. Речь идет о таких понятиях, как «модальность», «достижимость», «индекс», «точка соотнесения», «супервентность» и т. д. Открытым остается вопрос: если W – не онтологические миры, какой статус имеют контексты употребления?

Мероны W преимущественно субъективные, теоретические, сложно воспроизводимые. Дефицит общих морфологических меронов не компенсируется прозрачной экологией, что затрудняет фиксацию существенных признаков. Проблематично обнаружить w , который бы сочетал в себе максимум характерных черт *всех* объектов, именуемых W . Основания и принципы КЛ предстают нечеткими, а многие полученные группы – фальсифицируемыми. КЛЦ W позволяет

проводить диагностику W , но не предсказание новых групп. Может быть предложена только слабая теория КЛЦ (указывает, как нельзя и как допустимо проводить классификацию).

Наличие онтологических W относится к области мировоззренческих предпочтений. Дискуссионной оказывается тема демаркации эпистемических, онтологических, метафизических, логических W . «Жизнь» W зависит от структур логического пространства, способного менять свои конфигурации и номологический ландшафт. Если полнота и непротиворечивость формальных W очевидна, то данные качества у содержательных W размыты. Экстраполяция идей семантики W в теории содержательных W видится проблематичной.

КЛ W являются искусственными. Они имеют относительный, вспомогательный, рецептурный характер и не претендуют на роль предсказательно-эвристических. Группы создаются произвольно, с нарушением логических правил. Результатом КЛ выступает система

соподчиненных понятий. При КЛЦ W указанное требование часто игнорируется. Имеем не соподчинение, а пересечение. Перспективной – при наличии хотя бы рабочей фасетной формулы – видится комбинативная КЛ.

Допустимы КЛ по модальностям и/или доминирующим индексным выражениям (если сами W не рассматривать как множество индексов), энциклопедиям, способам описания и т. д. Многообразие теорий референции также позволяет «прививать» и «обрезать» ветви классификационного дерева. В настоящей статье оставлены без внимания виртуальные объекты и проблема демаркации W и виртуальных миров⁴.

Наш подход к КЛЦ W скорее концептуалистский. Акцент был сделан на мерономии с ее интенциональной диагностикой. Представленная пропедевтика КЛЦ W эклектична и не отличается полнотой, таит угрозу редукции *всех* идеальных объектов к W . Тем не менее конвенционально апробированные, пусть и фальсифицируемые, КЛ – небольшой, но шаг вперед в деле освоения объекта.

Список литературы

1. Крымский С.Б., Кузнецов В.И. Мировоззренческие категории в современном естествознании. Киев: Наук. думка, 1983. 222 с.
2. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. Статьи. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. 376 с.
3. Воронин Ю.А. Теория классифицирования и ее приложения. Новосибирск: Наука, 1985. 231 с.
4. Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопр. философии. 1976. № 12. С. 67–79.
5. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. 224 с.
6. Субботин А.Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. 94 с.
7. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования: сб. избр. ст. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
8. Скотт Д. Советы по модальной логике // Семантика модальных и интенциональных логик / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1981. С. 280–317.
9. Горбатов В.В. Двойная роль возможных миров в логической семантике // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / рук. проекта и отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 228–241.
10. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.
11. Сидоренко Е.А. Логика. Парадоксы. Возможные миры. (Размышления о мышлении в девяти очерках). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 312 с.
12. Смирнова Е.Д. Возможные миры и понятие «картин мира» // Вопр. философии. 2017. № 1. С. 39–49.

⁴Варианты решения обнаруживаем в работах У. Куайна, Д. Скотта, В.Л. Васюкова, Е.Д. Смирновой и др.

13. *Ивин А.А.* Импликации и модальности. М.: ИФ РАН, 2004. 126 с.
14. *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 390 с.
15. *Визгин В.П.* Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
16. *Прайор А.Н.* Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1981. С. 76–97.
17. *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. М.: НОВЫЙ ВЕК, 2000. 449 с.
18. *Лоран Ж.* О несуществовании возможных миров в античной философии // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / рук. проекта и отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 14–22.
19. *Бабушкин А.П.* «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: ВГУ, 2001. 86 с.
20. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
21. *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. 166 с.
22. *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989. 264 с.
23. *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.

References

1. Krymskiy S.B., Kuznetsov V.I. *Mirovozzrencheskie kategorii v sovremennoy estestvoznanii* [Worldview Categories in Modern Natural Science]. Kiev, 1983. 222 p.
2. Goodman N. *Fakt, fantaziya i predskazanie. Sposoby sozdaniya mirov. Stat'i* [Fact, Fiction and Forecast. Ways of Worldmaking: Articles]. Moscow, 2001. 376 p.
3. Voronin Yu.A. *Teoriya klassifikatsirovaniya i ee prilozheniya* [Classification Theory and Its Applications]. Novosibirsk, 1985. 231 p.
4. Meyen S.V., Shreyder Yu.A. Metodologicheskie aspekty teorii klassifikatsii [Methodological Aspects of Classification Theory]. *Voprosy filosofii*, 1976, no. 12, pp. 67–79.
5. Rozova S.S. *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke* [Classification Problem in Modern Science]. Novosibirsk, 1986. 224 p.
6. Subbotin A.L. *Klassifikatsiya* [Classification]. Moscow, 2001. 94 p.
7. Hintikka J. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and Epistemological Research]. Moscow, 1980. 448 p.
8. Scott D. Sovety po modal'noy logike [Advice on Modal Logic]. Smirnov V.A. (ed.). *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logik* [Semantics of Modal and Intensional Logics]. Moscow, 1981, pp. 280–317.
9. Gorbатов V.V. Dvoyakaya rol' vozmozhnykh mirov v logicheskoy semantike [The Dual Role of Possible Worlds in Logical Semantics]. Dragalina-Chernaya E.G. (ed.). *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiya, metafizika* [Possible Worlds. Semantics, Ontology, Metaphysics]. Moscow, 2011, pp. 228–241.
10. Eco U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts]. Moscow, 2005. 502 p.
11. Sidorenko E.A. *Logika. Paradoxy. Vozmozhnye miry. (Razmyshleniya o myshlenii v devyati ocherkakh)* [Logic. Paradoxes. Possible Worlds. (Reflections on Thinking in Nine Essays)]. Moscow, 2002. 312 p.
12. Smirnova E.D. Vozmozhnye miry i ponyatie "kartin mira" [Possible Worlds and the Notion of "World Pictures"]. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 1, pp. 39–49.
13. Ivin A.A. *Implikatsii i modal'nosti* [Implications and Modalities]. Moscow, 2004. 126 p.
14. Carnap R. *Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science*. New York, 1966. 300 p. (Russ. ed.: Karnap R. *Filosofskie osnovaniya fiziki. Vvedenie v filosofiyu nauki*. Moscow, 1971. 390 p.).
15. Vizgin V.P. *Ideya mnozhestvennosti mirov: Ocherki istorii* [The Idea of Multiple Worlds: Essays on History]. Moscow, 2007. 336 p.
16. Prior A.N. Vremennaya logika i nepreryvnost' vremeni [Temporal Logic and the Continuity of Time]. Smirnov V.A. (ed.). *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logik* [Semantics of Modal and Intensional Logics]. Moscow, 1981, pp. 76–97.
17. Grinenko G.V. *Sakral'nye teksty i sakral'naya kommunikatsiya. Logiko-semioticheskiy analiz verbal'noy magii* [Sacred Texts and Sacred Communication: A Logical-Semiotic Analysis of Verbal Magic]. Moscow, 2000. 449 p.

18. Laurent J. O nesushchestvovanii vozmozhnykh mirov v antichnoy filosofii [On the Non-Existence of Possible Worlds in Ancient Philosophy]. Dragalina-Chernaya E.G. (ed.). *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiya, metafizika* [Possible Worlds. Semantics, Ontology, Metaphysics]. Moscow, 2011, pp. 14–22.

19. Babushkin A.P. “*Vozmozhnye miry*” v *semanticheskom prostranstve yazyka* [Possible Worlds in the Semantic Space of Language]. Voronezh, 2001. 86 p.

20. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York, 1996. 414 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznyayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii*. Moscow, 2013. 512 p.).

21. Quine W.V.O. *From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays*. Cambridge, 1953. 184 p. (Russ. ed.: Kuayn U.V.O. *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov*. Tomsk, 2003. 166 p.).

22. Vasil'ev N.A. *Voobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy* [Imaginary Logic: Selected Works]. Moscow, 1989. 264 p.

23. Smirnova E.D. *Logika i filosofiya* [Logic and Philosophy]. Moscow, 1996. 304 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.88

Vladimir V. Voloshin

Donetsk National University;
ul. Sportsmenov 4-1, Donetsk, 283037, Ukraine;
e-mail: v.v.don7ff@gmail.com

CLASSIFYING AND THE CLASSIFICATIONS OF POSSIBLE WORLDS

This article deals with the scope (extension) and content (intension) of the concept of possible world. The aim of this paper is to determine the applicability of the classification theory to the class of objects called possible worlds by means of detecting correspondence between the existing classifications and the rules of the theory in question. Due to the fact that during the process of classification the extensional program (taxonomy) intersects with the intensional program (meronomy), the achievement of the aim is preceded by the analysis of the definitions of the article's key concept. The author treats possible worlds as mental constructs representing possible configurations of the individuals' existence, events and histories relevant in a certain system of modal coordinates. The novelty of the article consists in the fact that the problems of application of the classification theory to the concept of possible world have been neither formulated nor solved earlier. The theoretical importance of the work lies in broadening and crossing the classification paradigm and the problem areas of the doctrine of possible worlds. The obtained results are of practical significance for studies within such domains as ontology, epistemology, and logic. Moreover, the results reveal certain specifics and difficulties in the classification procedure (typology) aimed at mental constructs. In addition, some obstacles hampering the standard classification of possible worlds were identified. The classifications considered in this article appear to be artificial typological descriptions, characterized by relativity and prescriptivity as well as by a deficit of predictive power. The groups are created arbitrarily, breaching the rules of logic; both the grounds and the principles of classification are fuzzy, while many of the groups singled out are falsifiable. Thus, it is concluded that the process under study has considerable limitations as far as the extensional aspect is concerned – its cognitive potential is only fulfilled within the intensional diagnostic program.

Keywords: possible worlds, modality, accessibility, classifying, classification, taxonomy, meronomy.

Поступила: 25.09.2018

Принята: 10.01.2019

Received: 25 September 2018

Accepted: 10 January 2019

For citation: Voloshin V.V. Classifying and the Classifications of Possible Worlds. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 88–98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.88